

К семантико-этимологической реконструкции заимствованных «культурных слов»: поморское *гурий* ‘знак-ориентир из камня’

© 2022

Елена Львовна Березович

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; berezovich@yandex.ru

Ирма Ивановна Муллонен

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск,
Россия; irma.mullonen@hotmail.com

Аннотация: В статье анализируется обширное этимологическое гнездо с вершинным словом *гурий*, функционирующее в севернорусских говорах (преимущественно беломорских). Рассматривается семантическая структура гнезда, в котором выделяются два блока значений: 1) со смысловым ядром «каменный ориентир» (‘знак, сложенный в виде каменной пирамиды, являющийся приметой становища и служащий другим ориентационным целям’ → ‘куча экскрементов’, ‘при гадании — указательные знаки из квашни’ и др.); 2) со смысловым ядром «промысловая неудача» (*гүрей понал*, *гүрье принести* ‘вернуться с охоты, рыбалки и т. п. ни с чем, с пустыми руками’, *гүрьё* ‘обнаженный зад, который показывают женщины мужчинам, когда те возвращаются с рыбного лова или промысла зверя с пустыми руками’, *отгүрьаться* ‘завершить рыбалку (охоту) результативно, с (хорошим) уловом’ и др.). Авторы объясняют связи значений первого и второго блока значимостью самой реалии, соединяющей в себе ориентационную, мемориальную, обрядовую функции. Признавая существующие этимологии слова *гурий* неудовлетворительными, авторы предлагают две собственные версии: 1) скандинавскую (в том числе опосредованную саамской), ср. др.-сканд. *høgr* ‘пирамида из камней, жертвенный комплекс, каменный алтарь’; 2) прибалтийско-финскую, ср. *hurri* (*hurrikas*, *hurrikainen*) ‘дерево-знак (обычно обрубалось специальным образом в честь неофита)’. Возможно взаимное притяжение гетерогенных слов с их последующей формально-смысловой модификацией. Авторы показывают типологическую значимость рассмотренного слова на фоне других сакральных терминов.

Ключевые слова: диалектология, лексика, прибалтийско-финские языки, русский язык, саамские языки, севернорусские диалекты, скандинавские языки, этимология, этнолингвистика, языковые контакты

Благодарности: Авторская работа Е. Л. Березович выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики»; авторская работа И. И. Муллонен — в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН, тема № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей».

Для цитирования: Березович Е. Л., Муллонен И. И. К семантико-этимологической реконструкции заимствованных «культурных слов»: поморское *гурий* ‘знак-ориентир из камня’. *Вопросы языкознания*, 2022, 6: 21–43.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.21-43

On semantic and etymological reconstruction of borrowed “cultural words”: Pomor Russian noun *gurij* ‘landmark sign made of stone’

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; berezovich@yandex.ru

Irma I. Mullonen

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia; irma.mullonen@hotmail.com

Abstract: The article analyzes an extensive etymological word family with the top word *gurij*, functioning in Northern Russian dialects (mainly near the White Sea). The semantic structure of the word family is considered, in which two blocks of meanings are distinguished: 1) with the semantic center ‘stone landmark’ (‘a sign in the form of a stone pyramid, indicating a camp and serving for other orientational purposes’ → ‘a pile of excrement’, ‘in divination — index signs from the sourdough’, etc.); 2) with the semantic center ‘fishing failure’ (*gúrej popal*, *gúr’je prinesiti* ‘to return from hunting, fishing, etc. with nothing, empty-handed’, *gur’jě* ‘naked buttocks, which women show to men when they return from fishing or hunting an animal with empty hands’, *otgur’ját’sja* ‘complete fishing (hunting) effectively, with a (good) catch’, etc.). The authors explain the relations between the meanings of the first and second block by the significance of the notion itself, which bears orientational, memorial, and ritual functions. Recognizing the existing etymologies of *gurij* unsatisfactory, the authors offer two new etymological versions: 1) Scandinavian (perhaps mediated by Saami), cf. Old Scandinavian *hqrgr* ‘pyramid of stones, sacrificial complex, stone altar’; 2) Finnic, cf. *hurri* (*hurrikas*, *hurrikainen*) ‘sign tree (usually cut off in a special way in honor of the neophyte)’. Mutual attraction of heterogeneous words with their subsequent formal and semantic modification is possible. The authors show the typological significance of the considered word against the background of other sacred terms.

Keywords: dialectology, ethnolinguistics, etymology, Finnic, language contacts, lexicon, North Russian, Saami, Scandinavian

Acknowledgements: The contribution of E. L. Berezovich was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00223 “Etymologisation and semantic reconstruction of Russian dialect vocabulary”), the contribution of I. I. Mullonen was prepared as part of the state assignment of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (project No. 121070700122-5 “Fundamental and applied aspects of the study of Finnic languages of Karelia and adjacent regions”).

For citation: Berezovich E. L., Mullonen I. I. On semantic and etymological reconstruction of borrowed “cultural words”: Pomor Russian noun *gurij* ‘landmark sign made of stone’. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 6: 21–43.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.21-43

Введение

В статье рассматривается этимологическое гнездо севернорусских (поморских) диалектных слов с вершинным *гурий*, которое соединяет в своей семантике народные представления о явлениях материальной и духовной культуры. Основное значение слова — ‘куча камней, служащая ориентиром в промысловой деятельности (главным образом, рыбной ловле)’ — относится к области, если так можно выразиться, «прагматической аксиологии»: ориентир, сделанный из подручных средств и служащий знаком рыболовного или охотничьего урочища, имеет огромную значимость в той хозяйственной деятельности, которая непосредственно обеспечивает жизнь. Именно эта бытовая ценность позволила

наделить *гурий* аксиологической символикой, сделала его показателем промысловой удачи или неудачи, включила в народную ритуальную деятельность. Интерес к этому слову обусловлен также тем, что в его происхождении и истории отражено взаимодействие языков и культур Европейского Севера России — русского и контактных с ним финно-угорских.

Подобно тому, как сам объект номинации «перерастает» свою первоначальную роль, обозначающее его слово содержит в себе ключ к обширному смысловому пространству, в котором осуществляется эстафета культурно-языковых традиций. Все это делает историю *гурия* типологически значимой и показательной.

В статье будет проанализирована семантическая структура этимологического гнезда, выявлена логика смыслового развития на русской почве, а затем рассмотрены имеющиеся этимологические версии и предложена авторская.

Значения слова *гурий* следует разделить на два основных блока, которые в синхронной диалектной системе могут быть поданы как омонимичные: 1) блок со смысловым ядром «каменный ориентир» и дальнейшим разнонаправленным смысловым развитием (метонимический сдвиг, расширение значения, метафора); 2) блок со смысловым ядром «промысловая неудача», в рамках которого тоже осуществляется разнообразная семантико-словообразовательная деривация. При диахроническом рассмотрении лексические единицы, принадлежащие обоим блокам, генетически связаны между собой.

1. Первый блок значений слова *гурий* формируется вокруг смыслового ядра «каменный ориентир».

1.1. Слово фиксируется в источниках с XVIII в. и употребляется по сей день, при этом словарями впервые оно оказалось отмечено, кажется, в 1847 г. [СЦСРЯ, 1: 303]. В словари XVIII в. лексема не попала — и это огорчительная лакуна, ведь слово встречалось в таких замечательных памятниках, как мореходные книги, лоции, которые нередко составлялись самими поморами. Последние были носителями народной культурно-языковой традиции, но при этом могли прекрасно владеть грамотой. Тем самым лоции становились произведениями «народной книжности». Историк В. Н. Матонин предполагает, что старейшей из сохранившихся беломорских лоций является «Рѣка Кушерецка»¹: по данным палеографии, она была составлена не позднее начала XVIII в. [Матонин 2017: 83]². В этом тексте нужное нам слово использовалось в следующих контекстах³: «Оу Фугoley 8 голоманного конца есть кѣкшинецъ небольшой как пройдешь гѣрей» <У Фугoley у голомянного конца есть кушкинец небольшой, как пройдешь *гурей*> [РК: (л. 9) 46]; «На задней земле бор с седлом, пониже в немецкую сторону и другой, а на нижнюю сторону с русской стороны кряж высокой, на нем *гурей*, внизу на наволоки избы» [РК: (л. 31об.) 96]; «Красные Лудки. Оные признать здали с русской стороны, крутой кряж и на верхней земли мох рябой. Заходить в оное меж запад и побережник, внутри и в побережник. На русском левом наволоке лежит большой *гурей* и крестов немного» [РК: (л. 33) 99] и др. Слово было широко распространено и в более поздних текстах по мореплаванию (примеры будут приведены далее), а сейчас нам важно определить его значение, для которого прекрасную формулировку предложил В. И. Даль: арх. *гурей*, *гурий* 'темный маяк или мар, знак, сложенный на берегу из камней, для приметы становища' [Даль, 1: 408]; единственное замечание: *гурий* может не только обозначать становище, но и служить другим целям ориентации в пространстве.

1.2. География слова (по всей совокупности источников, как лингвистических, так и нелингвистических) — Архангельская, Мурманская области, Республика Карелия, при этом оно фигурирует преимущественно в речи жителей тех населенных пунктов, которые

¹ Кушерека — село на Поморском берегу Онежской губы Белого моря.

² Рукопись хранилась в семье поморов Кононовых, в которой книжная старообрядческая культура сочеталась с культурой поморского мореплавания [Матонин 2017: 84].

³ Первый контекст будет подан в графике и орфографии исходного текста, а следующие — в современной передаче.

находятся на морском побережье, и/или в речи рыбаков, морепромышленников, лоцманов, плавающих по морям Северного Ледовитого океана (особенно Белому), поэтому в ряде источников слово квалифицируется как «поморское».

1.3. Формы слова таковы⁴: *гуре́й*, *гу́рий* [СЦСРЯ, 1: 303; Опыт 1852: 44; Даль, 1: 408; Барсов 1882: 320; Подвысоцкий 1885: 36; Куликовский 1898: 18; СРЯ (Зеленин), 4/1: 738; СРНГ, 7: 238; АОС, 10: 157; СГРС, 3: 166; СРГК, 1: 417; Кушков 2011: 40; Меркурьев 1979: 35; 1998: 21, 43; СНРРА, 2/1: 40; ЛКТЭ; Мосеев 2005: 43], *гуре́й* [СРНГ, 7: 238], *гу́рьё* [Там же: 240], *гу́рья* [Подвысоцкий 1885: 36; СРНГ, 7: 240]⁵; при этом первые две формы лидируют по количеству фиксаций, форма *гурьё* является собирательной (из-за восприятия реалии как множества камней), а *гурья* — ее переработкой вследствие затемнения. Ареальных закономерностей в распределении форм нет.

1.4. Приводя контексты, особое внимание уделим тем, которые еще не опубликованы и были собраны нами в ходе полевой работы в 2018 г. (Онежский район Архангельской области) и 2021 г. (Терский район Мурманской области): терск. «*Гу́рий* — это поморское слово. *Гурий* оставляли на видном месте, на высоком берегу, на скале, он виден с моря, с карбаса. *Гурии* вносили в лоции, так и подписывали — *гурий*. Замечали это место: ну пусть цвет камня особый, белый на сером фоне. Ну или дерево какое кривое, особое» (Кузрека); терск. «*Гу́рий* как примета. В море кричали: *Гурий справа! Гурий слева!*» (Кашкаранцы); терск. «Отец вот мой учил белый камень примечать, он заметный. Если не было такого *гу́рия* на берегу, то его делали. Камни с берега складывали, сверху ставили корягу, белый камень. Плынут, говорят: *гурий* с той или с этой стороны» (Умба); онеж. «*Гу́ры* наставлены были — где на берегу, где на острове каком. *Гуре́й* — он как крест: да́леко видно» (Яковлевская); онеж. «*Гу́рий* — каменная кладка. Знать надо было отмели, поворотные места. Вот и ставят *гурий*. Цвет какой особый, чтоб выделялся. А нет камня — ну, дерево какое особое приспособят» (Кондратьевская) [КСГРС; ЛКТЭ]. Для наших будущих выкладок важно, в частности, то, что в некоторых случаях каменный *гурий* мог быть заменен деревянным (если камня не было под рукой).

Дадим и некоторые контексты из опубликованных словарей: карел. беломор. «*Гу́рий* — это камни наложены на берегу, да крест поставлен, дорогу показывают лучше компаса»; «В становищах, где можно спастись от ветров, на буграх *гуры* выкладывают» [СРГК, 1: 417]; помор. «Наставлено *гурьев* боле всего было в Горле по западу»; «*Гуры* наставлены разного размеру: больши, небольши и вовсе маленьки. Ставили их на сопках и на наволоках для большого примета»; «Други-товарищи ставили *гуры* в помощь всем поморам, по морям ходящим» [Гемп 2004: 286]; кольск. «Там *гурей* был складеной на песке» (Голицыно) [Меркурьев 1979: 35]; арх. онеж. «У них *гурья* туд были забиты» (Подпорожье), «У меня *гурьйоф* скоко хочеш войдёт» (Пурнема) [АОС, 10: 157] и др.

Стоит привести также иллюстрации из специальной литературы по мореплаванию, поскольку примеры такого рода нечасто фигурируют в лингвистических исследованиях. К числу наиболее ранних (1828) сочинений, где есть слово *гурий*, относится интереснейший труд Ф. П. Литке, который описывает плавание по Белому и Баренцевому морям: «По всему восточному берегу видели мы множество *гурьев*, больших и малых, которые, по уверению нашего лоцмана, служили рыбакам путеказателями от одного становища до другого, которых в прежние годы было здесь много»; «На сей вершине поставлен был нами *гурей*, привязанный посредством треугольников к берегам гавани. Утес, равно как и все окололежащие высоты и кругляки, состоит из полевого шпата»; «В двух милях за мысом Моткою оставили мы вправе высокую, кругловершинную гору, называемую Рока

⁴ Приводятся только по лексикографическим источникам, поскольку в непрофессиональных источниках формы могут быть восстановлены неточно. Так, в тексте С. В. Обручева (см. далее [Обручев 1929: 129]) есть сочетание *несколько гурий* (род. пад.), из которого можно восстановить форму им. пад. ж. р. **гурия*, но это весьма сомнительно.

⁵ Обзор форм и географии (менее подробный) см. также в [Мызников РДЭС: 171–172].

Пахта, на коей стоит *гурей*» [Литке 1828, 2: 53, 39, 36]. Вот еще несколько цитат из более поздних трудов мореплавателей и путешественников: «Становище Шубино. В него заходить в запад. На правой руке на высоком бугре на матерой кресты и *гурьи*; стоят за островом на живой воде, а дальше на обсушке» (публ. 1909 г.) [МК: 294]; «На самом Кусовом носу несколько *гурий* — каменных столбообразных куч, которые промышленники ставят на всех приметных местах. Кроме того, тут же стоят три больших креста, и под ними могила с деревянным срубом, в котором мы находим человеческий череп» [Обручев 1929: 129]; «Во многих важных и сложных для мореплавания местах были поставлены опознавательные знаки в виде *крестов* и *гурьев*» [Бадигин 1956: 276]⁶ и т. п.

1.5. Охарактеризуем на междиалектном и внутридиалектном уровнях отношения лексической системности для слова *гурий*. Очень чутко почувствовала и назвала близкие по смыслу слова К. П. Гемп [2004: 86]: «Поморы ходили “по своей вере” — по своим рукописным лоциям, замечали природные приметные места, взгавия, кекуры, арешник, мошок, ставили свои глядени и отметины: кресты, *гурьи*, юрики, вехи и оберегали все эти “памяти”, знали их цену для мореходца и промысловика». Среди «приметных мест» она выделила природные и сооруженные человеком, к которым относится *гурий*.

В контекстах рядом с *гурием* чаще всего упоминается **крест** (см. выше), о значении которого в культуре поморов не раз писали исследователи (см. обобщающие работы [Боярский 2001; Филин, Фризин 2001]). Неслучайно именно *кресты* и *гурьи* указаны К. С. Бадигиным в качестве «манифестаций» того, что названо у поморов словом *глядень*, которое обозначает ‘знак на берегу, указывающий безопасный фарватер при заходе в становище или в пролив’: «Обычно *глядни* представляли собой *кресты*, различаемые по размеру (количество крестов на различных гляднях не одинаково), или сложенные в виде пирамид кучи камней — *гурьи*. Устанавливались издавна, особенно на мысах, стоящих в местах поворота курса, и были первыми маяками русских северных мореходов» [Бадигин 1956: 330].

В качестве синонима к термину *глядень* («то, что выглядывает») у поморов употребляется также **вож** ‘приметный знак, указатель’ [Мосеев 2005: 48]⁷, во внутренней форме которого отражена способность служить проводником (ср. сиб., иркут., якут., свердл. *вож* ‘лоцман’ [СРНГ, 5: 9]).

В ряде источников в качестве аналога *гурию* приводится слово **кекур**, см. [СЦСРЯ, 2: 170; СРЯ (Зеленин), 4/1: 738; Гемп 2004: 289; Бадигин 1956: 333 и др.]. Отношения между этими словами могут определяться так: «*кекур* — то же, что *гурий*, но чаще под этим

⁶ Слово употребляется как термин и в современной литературе по исторической географии, археологии etc.: «А по дороге к избам <охотничьим> ставили знаки — *гурьи*, сложенные из камней, а если было время и силы — восьмиконечные кресты» [Боярский 2001: 148]; «<О кресте на тоне Подволочье> К востоку от остатков креста находится развал каменного гурья, в который он был установлен» [Филин, Фризин 2001: 182]; «Проезжая вдоль пролива, подъехали к острому мысу. На высоком берегу на самом краю стоит довольно большой и интересный *гурий*, сложенный не как обычно (плотно из плоских тонких камней), а из обыкновенных более-менее плоских булыжников, причем на самом верху *гурья* камни тоже довольно массивные. Надписей и знаков никаких не видно. Вполне возможно, что этот *гурий* стоит просто как маячок, указывающий на вдающийся глубоко в пролив полуостров — для навигационных целей, или еще для чего... Ведь если не *гурий*, сложенный из темных камней, то при такой видимости мы бы и не заметили этого полуострова на своем пути. (...) На одном из островов стоит очень необычный и интересный *гурий*, высотой в два человеческих роста, на вершине которого установлен длинный тонкий камень внушительной массы, похожий на столб или трубу. На камне в основании *гурья* остались следы некогда прикрепленной таблички: вбитые в камень свинцовые пробки, к которым и была прибита табличка. Рядом с *гурием* расположена еще более интересная постройка из камней: небольшая арка, в которую если постараться можно и пролезть» [Смоляников, Бондик 2006] и др.

⁷ Автор указанного словаря при статье *вож* ставит отсылку к *гурий* (однако отдельная статья на это слово в словаре отсутствует, хотя оно встречается в контексте к слову *бык* ‘каменный утёс, вдающийся в море’: «Вона на быку-то гурий» [Мосеев 2005: 43]).

названием архангелогородцы разумеют отдельную столбообразную скалу» [СЦСРЯ, 2: 170], ср. также контекст: «Когда путники были уже совсем близко от новой вершины, их внимание привлекла на себя лежавшая там большая гряда камней: вид и форма ее несомненно доказывали, что это *гурий* (или *кекур*, как еще называют в Поморьи), складенный руками человека» (Борисов) [СРЯ (Зеленин), 4/1: 738]. В то же время в большинстве источников семантические акценты ставятся так, чтобы подчеркнуть, что *кекур* — это, в первую очередь, не искусственно созданный человеком, а природный объект. Кажется, наиболее точно определяет иерархию значений [ССРЛЯ, 5: 921–922], в котором значение ‘высокий, отдельно стоящий камень на берегу моря или в море’ дается как общенародное (первое), а ‘гряда сложенных в виде пирамиды камней’ — как областное (второе). О преимущественной «естественности» *кекура* говорят и значения, приведенные в [СРНГ, 13: 177].

На междиалектном уровне интересно слово *мар*, с помощью которого В. И. Даль определил *гурий* (см. выше); на саму лексему *мар* великий лексикограф составил такую статью: «юго-вост. одинокий бугор, курган, насыпь или природная сопка; сложенная где, для приметы, из камней сахарная голова, пирамида. *Мары*, как и *бабы* (из одного камня), ставились на сторожевых высотах, чтобы из-за них высматривать» [Даль, 2: 307]. Как видим, за этим термином может стоять объект как естественного, так и искусственного происхождения.

В литературе по географии и археологии встречаются также термины *тур* и *каури*, обозначающие искусственные сооружения в виде гряды камней, часто конической формы. В этнографической литературе широко известен термин *сейд*, который обозначает священный камень у саамов (см. классическую работу [Визе 1912]). В контексте нашего исследования интересно следующее свидетельство: «Поклонялись также лопари и приносили жертвы священным камням — *сейдам*. Такие камни ставились на берегах рек и озер, на высоких и уединенных горах. У каждой лопарской семьи был свой *сейд*-покровитель. (...) *Сейды*, по верованиям лопарей, помогали им на охоте, рыбной ловле, в дальних поездках. Лопари приносили им за это жертвы: мазали камни жиром и кровью. Если же камень-*сейд* мало оказывал им помощи, они переставали его ублажать, иногда били его, иногда откалывали от него кусок: от этого будто бы *сейду* было больно, и он должен был образумиться» [Харузина 1902: 35].

Приведенный список неполон, но он свидетельствует о высокой значимости той идеогаммы, которая стоит за словом *гурий*.

1.6. Говоря о словообразовании на основе формы *гурий*, отметим уменьшительное *гуреек* и прилагательное *гурьеваты(о)й* (*гурываты(о)й*, *гурьевой*), ср. показательный пример из поморской лоции, где присутствуют оба названных деривата⁸: «А на оном правом наволоке крестов много, и, попросед правого *гурья*, на самой середине есть баклыш, а о тот левой *гурьевой* наволоке надо заходить о самой, а как пройдешь маленькой *гуреек*, которой на той же стороне, то одинок минеешь» [РК: (л. 33об.) 100]; «На самой середине есть один камень, а о тот *гурыватой* левой наволоке о самой заходить чисто, а как придешь до маленького *гурейка*, на той же стороне, то и одинок минеешь, тогда и податься о правые кресты, под оными гладко» [ЛБП: 34]. Прилагательное *гурьеватый* отмечено также в «Словаре поморских речений» К. П. Гемп: беломор. *гурьеватый бережок* ‘морской берег, на котором установлено немало опознавательных знаков — *гуриев*’: «По всем берегам Белого моря встречаются гурьеватые, но более всего гуриев было поставлено на берегах Горла»; «Гурьеваты наволоки — память отцов-дедов» [Гемп 2004: 286]. Форма *гурьеватой наволоке* с пометой «стар.» дается и в книге К. С. Бадигина «По студенным морям», при этом в качестве параллели указано сочетание *крестоватый наволоке* [Бадигин 1956: 333]. Можно было бы ожидать активного участия слова *гурий* в топонимии, однако найденные нами примеры немногочисленны, ср. два топонима на Терском берегу Белого моря (тоня *Гурья* в числе тоней Кашкаранского сообщества, а также в числе тоней Чаванги и Тетрино

⁸ Первый фрагмент из лоции, которая цитировалась выше (и датируется началом XVIII в.), вторая цитата представляет собой вариант того же текста, опубликованного в 1866 г.

[Попихина 2021: 147]) и два на Поморском берегу (приметная с моря гора *Гурьи* на мысу между селами Колежма и Нюхча и *Гурьев Камень*⁹ на Мягострове у Колежмы).

1.7. Указанное основное значение слова *гурий* ('знак-ориентир, сложенный из камней') фиксируется наиболее часто, однако на его основе отмечается и относительно разветвленная **семантическая деривация**.

Семантические дериваты можно разделить на две основные группы.

1.7.1. Первая включает в себя слова со значениями, находящимися на **близком расстоянии** от основного и являющимися результатом незначительного варьирования (метонимический сдвиг, расширение значения).

Смысловый сдвиг по функциональному признаку приводит к переносу значения в промысловую сферу, близкую рыбной ловле, — сферу охоты: терск. *гүрий* 'знак-ориентир (груда камней или памятное дерево) у охотников': «Идут где далёко, складут гурий для приметы: замечали, где припас оставили. Больше камни, а иногда дерево какое, на него тряпку повесят» (Варзуга) [ЛКТЭ]. Характерно, что это значение записано в селе Варзуга, которое удалено от моря — в отличие от соседних, находящихся на морском берегу (в них фиксируется только «рыбачья» семантика). Возможна и смысловая флуктуация, состоящая в переносе части на целое («знак, отмечающий территорию урочища → урочище целиком»): арх. онеж. *гүрей* 'место охоты, промысла, обозначенное грудой камней на морском берегу': «Этод гүрей был продан им» (Подпорожье) [АОС, 10: 157]. Другой смысловой сдвиг по функции ведет из промысловой сферы в сферу эксплуатации дорог: влг. вож. *гүрий* 'груда сложенных на дороге камней, используемая как вежа': «Из камня гурий выкладывают на дорогах» [СГРС, 3: 166]. Данный пример примечателен тем, что это единственный факт, записанный в Вологодской области (на северо-западе, на границе с Архангельской областью).

Отмечается также развитие семантики по «каменной» линии, т. е. по признаку материала. В удалении от моря *гурием* называют кучу камней, не имеющую ориентационной функции, ср. терск. *гүрий* 'камни, которые убирают с сенокосов и складывают в кучи': «На берегу реки, на островах у нас пожни. Там много камней бывает. Вот камни убирали, ложили в кучи, чтоб не тупить косу-то. Складут такой гурий — камни, которы убраны» (Варзуга) [ЛКТЭ]. Если говорить о каменных реалиях морского побережья, то ими могут быть большие каменные валуны и скалы: мурман. *гүрий* 'камень, округленный водою, катыш (у мурманских рыбаков)'¹⁰ [Маштаков 1931: 20; СРНГ, 7: 238], без указ. м. 'скала' [СРНГ, 7: 238].

1.7.2. Вторая группа семантических дериватов включает в себя результаты **метафоризации**.

На базе основного значения слова *гурий* ('куча камней, используемая как ориентир') происходит метафорическое развитие в двух направлениях. Во-первых, возможна метафора на основе признака конусообразной формы, ср. терск. *гүрий* 'куча экскрементов': «Ну, гурий, мол, навалил. Плохое это слово, это не надо записывать. Это если кто по-большому сходил» (Кузрека); «Гурий на берегу бывает. Это хорошее слово. А есть гурий — слово непотребное. Ну ты навалил гурий» (Умба) [ЛКТЭ].

Во-вторых, отмечена «семiotическая» метафора (на основе признака «указательный знак»): карел. беломор. *гүрья* 'при гадании — указательные знаки из квашни' (КСРГК) [Мызников РДЭС: 172]. К сожалению, в источнике нет более подробной информации об этой редкой и интересной лексеме. Объясняя ее, С. А. Мызников пишет: «Трудно сказать, связано ли это слово с *гурий* <'куча камней'. — Е. Б., И. М.>, или возможно сопоставление с лив. *hourii* 'пар', люд. *hour* 'водяной пар, пар, дыхание в холодную погоду';

⁹ Словообразовательно здесь возможно и онтопонимическое происхождение (от имени *Гурий*), но тип объекта (камень) указывает, что вероятна и производность от «каменного» *гурия*.

¹⁰ В словаре П. Л. Маштакова дана ссылка на рукописный словарь водных терминов, собранный по распоряжению академика Веселого.

на прибалтийско-финской почве это гнездо имеет значительное число вариантов, ср. фин. *hiiri* ‘пар, марево’, *hauri* ‘теплый пар’, люд. *hauri* ‘иней, изморозь’, карел. *hääräkkä* ‘туман’» [Там же]. Объяснение на основе семантики пара, изморози представляется неубедительным и не подтверждается мотивационными параллелями. Думается, здесь следует предполагать именно метафору на базе рассматриваемого нами *гурия*-ориентира, поскольку в семантике производящего слова явственно представлен «семиотический» смысл.

1.8. Какие еще детали и акценты можно выделить в смысловом пространстве слова *гурий*?

Функция ориентира исключительно важна и обладает **потенциальной аксиологической нагрузкой** (ср., к примеру, метафоры на основе других обозначений ориентиров или инструментов для ориентации — *маяк, компас, путеводная звезда* и пр.). В некоторых контекстах, связанных с *гурием*, заметны смысловые добавки, позволяющие говорить о том, что *гурий* может «перерастать» свой сугубо прагматический статус пространственного ориентира и получать дополнительную символическую нагрузку. Это проявляется по-разному.

Во-первых, *гурии* могли выполнять как меморативную, так и мемориальную функцию. Это разделение, разумеется, условно, но все-таки несет в себе некоторый нюанс. Со словом *меморативный* будем связывать задачу напоминания о чем-либо, которое имеет сугубо практический смысл, ср. текст терской былички, в которой описывается использование *гурия* как приметы того места, где, по поверью, лежал клад: «Потом приезжали во второй раз, гуреек складли. Вода-то осветлела. <...> Клад давался — не умели взять!» [Власова 2021: 325]. Под мемориальной функцией будем понимать функцию символического напоминания, не связанного с практическим ориентированием на местности. Показателен отрывок из путевых записок А. П. Энгельгардта (изданных в 1896 г.): «Он скоро справился и настоял на своем — взлез на самую вершину горы и, на память о своем там пребывании, сложил из камня довольно большого *гурия*. <...> На Севере вообще существует обычай ставить на возвышенных местах пирамиды из камней, по местному выражению, *гурии*, или, еще чаще, большие кресты, в память разных событий и счастливого избавления от грозившей опасности» [Энгельгардт 2019: 185]. Здесь есть предпосылки оценочного восприятия *гурия* (знак счастливого избавления).

Во-вторых, *гурии* могли участвовать в формировании магических практик — к примеру, метеорологической магии: «В некоторых случаях *гурии* складываются по поверью, например, для того, чтобы подул благоприятный ветер» [Окороков 2005: 373]; показательно также свидетельство А. Генца о том, что у гуриев вымаливали хорошую погоду (см. раздел 3.2.1 настоящей статьи). Как видим, в этом обычае тоже есть возможность оценки *гурия* (проекции на него символики благоприятствования). Отсюда шаг до сакрализации *гурия*, отголоски которой проявляются в следующем контексте к терск. *гурий* ‘большой камень или груда камней на берегу моря’: «У нас было поклонение большим камням — отдельный камень большой стоит, это считался *гурий*, молились им. Перед тем как уходили на промысел, ходили помолиться. Иногда *гурием* и кучу камней звали, как каменное нагромождение. Почему молились? А любили всю природу. Речку просили, можно ли перейти. У дерева прощения просили, когда рубят. Ну вот и с *гурием* так. Молились, чтоб удача была. Им пользовались больше саамы. У русских меньше, но тоже было, деды рассказывали» (Чапома) [ЛКТЭ]. Информант ссылается и на культ такого рода у саамов. Действительно, в исследованиях по саамской этнографии говорится о сакрализации *гуриев*, подробнее см. раздел 3.2.1.

Описанные рефлекссы оценочной (и даже сакральной) символики гурия будут важны нам при анализе второго блока значений этого слова, связанного в широком смысле с судьбой.

II. Второй блок значений *гурия* формируется вокруг смыслового ядра «**промысловая неудача**»¹¹.

¹¹ В [СНРРА, 2/1: 40] два *гурия* поданы как омонимы, но это некорректно хотя бы по формальным причинам: в первом случае ударение на первый слог, во втором — на второй. Н. Д. Кушков [2011: 40] тоже дает изучаемые слова как омонимы; так же осмысливают их некоторые наши информанты.

2.1. Эти значения отмечаются чаще всего во фразеологических оборотах, в составе которых *гурий* утрачивает значение конкретного предмета и приобретает абстрактное значение неудачи (с возможными дальнейшими сдвигами). При этом в сознании носителей говоров (и даже некоторых составителей словарей) предметные значения *гурия* нередко никак не связываются с абстрактными. Мы убеждены в том, что эта связь существует. Представим материал, попытаюсь расположить его в «этимологическом» порядке, восстанавливая логику семантической и семантико-словообразовательной деривации.

Пусковой механизм для формирования переносного значения обнаруживается в словаре А. Подвысоцкого, который дает следующую статью: «*Гу́рей, гу́рий, гу́рья* — помор. род столба из накладываемых одни на другие диких камней. Промышленники складывают *гу́рья* на морском берегу для обозначения места, где промышляли. В с. Кандалакше, на западном берегу Белого моря, в Кем. у., неудачных ловцов во время сельдяного промысла заставляют в шутку целовать *гу́рей*» [Подвысоцкий 1885: 36].

Очевидно, здесь обнаруживается такая мотивация: раз не поймал ничего, тебе достается единственное, что есть на морском берегу, — «дикие камни», т. е. *гурий*. Для глагола *целовать* следует предполагать тот смысл, который реализуется, к примеру, в шутливом пожелании *Поцелуй пробой, да и ступай домой!* [Даль ПРН, 1: 281] (подразумевается дверной пробой, который остается поцеловать, если придешь к кому-то и не застанешь его дома). У замечательного путешественника В. И. Немировича-Данченко есть подробное описание этого обычая (из той же Кандалакши — и примерно в то же время), из которого вытекает, что *гурий* для этой процедуры могли сооружать специально (а не только использовать уже существующий):

- Ну, гляди, промышляй хорошо! — подшучивали на берегу кандалакшане, когда я садился в карбас, — не то *гурий целовать* придется. <...>
 — Экое горе, парень, — подсмеивался старый кормщик. Вдруг да поведут тебя *гурий целовать*. Ах же и стыд какой, ну и промышленник, скажут! С первого разу да опростоволосился.

По окончании промысла, вечером, ловцы собираются по пути в Кандалакшу на какой-нибудь островок; тут складывается горка из каменных плит, и кто меньше всех наловил или не поймал вовсе, того под общий смех ведут *целовать* этот *гурий*. Над неловким или несчастливым промышленником трунят, остроты на него сыплются градом [Немирович-Данченко 1877: 225].

2.2. Если в этих контекстах речь идет о реальном предмете, который приобретает дополнительную символику (помимо основного прагматического назначения), то дальше будут представлены примеры, в которых **предметность утрачивается**. Следующий по времени издания словарь (после Подвысоцкого), где упоминается *гурий* в значении неудачи, — это словарь И. М. Дурова (1929), где уже нет следов обряда *целования гурия*: беломор. *гу́рей* ‘слово, употребляемое для обозначения полного неулова на промысле’, в выражениях *гу́рья спробовал* ‘ловил, потратил время, а ничего не добыл, ничего не попало’, *с гу́рьем выехал*, *гу́рья справил*, *с гу́рьем вернулся* [Дуров 1929: 41].

Аналогично дается слово и в более поздних источниках. К. П. Гемп в своем замечательном «Словаре поморских речений» приводит такие контексты: «Гу́рья ноне на путине спробовали», «Ходил на сига-заледку, а гу́рьем воротился», «Чаще, чем прежде, ноне с гу́рьем ворочаемся к дому. То ли перелов рыбы был, а годами шел по плану, то ли рыба куда ушла. Бывает это. То ли замор какой. Кто скажет?», при этом заглавное слово восстанавливается в форме *гу́рей*¹² ‘неудачный улов (пролов), малый улов на промысле’ [Гемп 2004:

¹² Возможно, ударение восстановлено ошибочно. При перепечатке этих данных [СНРРА, 2/1: 40] воспроизводит формы так: арх. *гу́рья* (уд.?) *спробовать*, *гу́рьем воротится*: «Гу́рья пока на путине спробовал. Ходил на сига-залёдку, а гу́рьём воротился». Здесь упущен вариант *с гу́рьем*

390]. В Онежском районе Архангельской области сотрудники нашей экспедиции записали формы *гүрей попал*, *гүрье принести* ‘вернуться с охоты, рыбалки и т. п. ни с чем, с пустыми руками’ [СГРС, 3: 166], арх. онеж. *гүрий* ‘неудача при рыбной ловле’: «Что у тебя? *Гүрий*? Ничего не принес» (Кондратьевская) [КСГРС].

2.3. В ряде случаев мы сталкиваемся с ожидаемым **расширением семантики**, когда с *гүрием* связывается неудача не только на рыбалке, но и в другой промысловой деятельности — на охоте, при сборе грибов и ягод: арх. онеж. *гүрей* ‘неудача в охоте или рыбной ловле’: «Я ницего не убил, то и *гүрей*» (Пурнема) [АОС, 10: 157]; арх. онеж., мурман. терск. с *гүрьем* (*прийти, приехать*) ‘о том, кто вернулся порожняком (с рыбалки, промысла морского зверя, охоты и др.)’: «Сегодня з *гүрьем* она — из лесу пришла, ничего не набрала, или без рыбы» (Онеж, Подпорожье), «Мужики поехали невода посмотреть, а там ничего. Ну, с гүрьем приехали. Из леса с гүрьем пришёл — ни грибов, ни птицы» (Терск, Чапома); «С *гүрьем* пришел — не подстрелил ничего, ничего не добыл» (Терск, Чаваньга), «*Пришёл с гүрьем* с охоты, рыбалки — ну, ничего не поймал, не принёс, руки пустые» [АОС, 10: 157; ЛКТЭ].

Современные информанты, как правило, не могут ответить на вопрос о том, что за *гүрей* или *гүрье* выступают в этих идиомах; есть случаи, когда им известны оба *гүрия*, но связь между ними, как говорилось выше, не улавливается. Такая деэтимологизация ярко проявлена в арх. онеж. *без гүрия* (*прийти*), *даже гүрия не поймать* ‘прийти с пустыми руками’: «Не часто это слово слышала. Только о рыбалке: пришёл с рыбалки *без гүрия*. Даже *гүрия* не поймал. А про самого *гүрия* не знаю» (Яковлевская) [КСГРС]. Здесь *гүрий* становится как бы объектом лова, а информантка, которая рыбачит около 70 лет, не знает, что такое *гүрий* (даже думала, что это нечто одушевленное). Разведению двух *гүриев* способствуют и формальные моменты: слово с семантикой неудачи чаще, чем лексема с ориентационным значением, выступает в собирательной форме.

2.4. Ситуация неудачи, «порожняка» таит в себе большой заряд экспрессии, поэтому *гүрий* может быть вписан в сценарий оскорбления. Если учесть особенности символизации оскорбления в рамках традиционной культуры, то неудивительно, что мы встречаемся с **ритуальным оскорблением** — как на манипулятивном уровне, так и на вербальном. В нашем материале традиция ритуального оскорбления, разворачивающаяся вокруг такого символа, как *гүрий*, отмечена в селах Терского берега Белого моря, ср. материалы любительского словаря Н. Д. Кушкова: терск. *гүрьи, гүрье, гүрья*, обычно в сочетании *показать гүрья*: ‘рыбачья традиция в шутку высмеять рыбаков-обездчиков, вернувшихся без улова. Обычно это делает женщина, но может и мужчина: надо поставить стул у самой двери, подняться на стул и, как только рыбаки откроют дверь, показать им голый зад, сняв штаны’ [Кушков 2011: 40]. В ходе полевой работы нам тоже удалось записать свидетельства об этом обычае: терск. *гүрьё* ‘в обряде: обнаженный зад, который показывают женщины мужчинам, когда те возвращаются с рыбного лова или промысла зверя с пустыми руками’: «Промышленник поехал невода проверять. Ему сёмга не попала. Женщины на берег бегут: “Ну чё, мужики, поймали? Ах, нет? Ну вот вам *гүрьё*, раз порожняком приехали”. Ну и прямо на берегу повернётся и зад ему голый покажет» (Чапома); *гүрьё, гүрья показать* (*показывать*): «“Ну цего, *гүрьё* вам показали?” — это бабы прикалывали мужиков. Возвращаются те с проверки неводов — и бабы бегут к ним: “Ну цего, как сходили, поймали цего или с *гүрьём*?” А потом подымет подол и покажет задницу» (Чаваньга), «Сёмгу не поднял, не поймал в неводах — надо уколоть этого рыбака, показать гүрья. Хозяйка подходит к берегу, если видит, что одна кáмбала у рыбака — она показывает гүрья: юбку поднимает, задницу кажет» (Кашкаранцы), «А бывало и так. Бабы бегут на берег, а мужики-то им врут: мол, пустые пришли. Ну, бабы *гүрья* показывают. Мужики в ответ как достанут сёмгу! Чтoб не бабы их позорили, а они баб» (Чапома) [ЛКТЭ].

ворочаться; что касается формы *гүрьём*, то *ё* в ней тоже может быть гиперкоррекцией (выравнивание по логике ударного варианта *гүрей*).

Как мы уже видели, ситуация рыбалки легко расширяется до ситуации любого промысла — и *показ гурия* становится расплатой за неудачу при сборе грибов, ягод, охоте, ср. терск. *гүрий показат*: «Гурий баба какая покажет — на четвереньки встанет и штаны сымет. Ты ничего не поймал — ну, *гурий покажу* тебе! Грибов не принес. Это как поза такая. А кто такой *гурий* — не знаю!» (Стрельна) [ЛКТЭ]. Возможно и более кардинальное расширение семантики: описываемая ситуация утрачивает обрядовую составляющую и превращается в сугубо бытовую, ср. терск. *гүрья показывать* ‘ходить с голыми ягодицами’: «Бабушка — внучке: “Ты чего тут ходишь, *гүрья показываешь*? Ну-ка, иди трусики надень!”» (Чапома) [ЛКТЭ].

Группа значений, связанных с обнажением (и особенно последнее из них, функционирующее вне обрядового контекста), перекликается со значением ‘куча экскрементов’, которое было представлено выше, ср. терск. *(тебе) гүрий придется делать* ‘возглас, обращенный к неудачнику, которому не удалось поймать рыбы’: «Ловили где-то, ничего не поймал ты. Ну, говорят, *тебе гурий придется делать*! Значит, нечем тебе это место отметить, только своим гурием, своим дерьмом, а больше ничем не можешь» (Кузрека); терск. *(тебя) придется посадить на гүрий* ‘то же’: «Едут первый раз ловить треску. Ну, кто-то незадачливый, ничего не поймал. Ну, пустой ты едешь, *тебя на гурий придется посадить*! *Гурий* — дерьмо. Его на собственное дерьмо обещают посадить. Грубо это» (Умба) [ЛКТЭ]. В этих двух примерах отражено моделирование новых «обценных» квазиритуалов: неудачника грозят посадить на кучу дерьма или предлагают сделать ее на месте неудачного промысла. Смысловые «узлы», связанные с обнажением и с экскрементами, сложились независимо друг от друга, но надо предположить, что они взаимодействуют в синхронной языковой системе и усиливают друг друга.

Нельзя не отметить также, что ритуальное обнажение, описываемое значениями изучаемых лексических единиц, имеет культурную обусловленность. Так, в славянских традициях «демонстрация голый задницы и гениталий считалась оскорблением» [Агапкина и др. 2004: 358]; такое обнажение имело разработанную практику символического использования¹³. В случае рыболовного или охотничьего промысла символический смысл именно женского обнажения усиливается, по всей видимости, тем, что «женщина как существо “нечистое” традиционно представлялась опасной для мужчин, занятых различными промыслами и другой “профессиональной” деятельностью. Она не должна была показываться босиком или распоясанная перед пастухом. Близкие по типу запреты распространяются на охотников и рыболовов» [Агапкина, Топорков 2001: 11]. Еще одна деталь. Женское обнажение в конце промысла может быть своего рода перевернутым отражением тех обычаев, которые были характерны для начала промысловой деятельности: так, в Водлозерье¹⁴ перед уходом на промысел охотник должен был пронырнуть между ног супруги, встававшей для этого на две скамейки [Логинов 2006: 143].

Наконец, относительно происхождения мотива оскорбления в связи с *гурием* можно высказать и такую гипотезу. Если учесть географию мотива (Терский берег Белого моря), то стоит предположить, что здесь могли отразиться верования саамов. Как говорилось выше (см. цитату из работы В. Харузиной), у саамов отмечалось даже ритуальное «избиение» сейда или откалывание куска от камня.

¹³ Ср. некоторые примеры: «У сербов старые люди строго следили за тем, чтобы не повернуться голым задом на восток, на запад и навстречу солнцу. Известны исторические материалы, согласно которым женщины во время боевых действий и при осаде городов показывали неприязнью гениталии, оскорбляли и ругались матерно. В повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г. сказано, что москвичи, взбираясь на стены, ругались и показывали срамы свои; в XVII в. во время осады войска Лжедмитрия в Кромах то же делала потаскуха, выходя на гору в чем мать родила, и пела поносные песни о московских воеводах. Сербские женщины уже в конце XIX в., во время борьбы племен Кучи и Пипери, задирали юбки, обнажали свою срамную плоть и, похлопывая ее ладонью, кричали на противников» [Агапкина и др. 2004: 358].

¹⁴ Это территория в северо-восточном Обонежье, на юге Карелии, которая соседствует с зоной фиксации разнообразных *гуриев*.

2.5. При ритуальном обнажении *гурий* как бы **опредмечивается** (показать *гурий* = показать задницу), ср. также отмеченное выше опредмечивание *гурия* в образе кучи дерьма. Опредмечивание демонстрирует естественное для наивного языкового сознания желание референциально определить *гурий*. Такая референциальная отнесенность вторична и неустойчива, она может варьировать в широком диапазоне — от конкретных явлений к абстрактным понятиям. Очередной сдвиг запечатлен в арх. онеж. *от гурья уйти* ‘вернуться с промысла не с пустыми руками, а с уловом’: «На зимней рыбалке слышала: ну слава Богу, *от гурья ушёл*. То есть поймал сколько-то рыбы» (Яковлевская) [КСГРС]: здесь *гурий* приравнивается к позору, стыду (*уйти от гурья* = *уйти от позора*).

2.6. Сочетание *от гурья уйти*, отмеченное в говорах Поморского (южного) берега Белого моря, помогает пролить свет на **происхождение глагола *отгурьяться***, который зафиксирован нашей экспедицией на противоположном (северном) Терском берегу (в словарях отсутствует). Этот глагол означает ‘завершить рыбалку (охоту) результативно, с (хорошим) уловом’: «Ну, *отгурьялись*, если в сети попало что-то» (Чаваньга); «Пошли впятером ловить рыбу. Один первую поймал, хорошую, — а остальные нет. Ну, говорят, *отгурьялся* уже. Ну или за всё время один много поймал, а у других мало. Про него скажут: *отгурьялся* он» (Варзуга); «Ну, где-то на тоне побывал, *отгурьялся* уже, домой вернулся, рыбки принес» (Стрельна); «Человек пришёл и насобирав всё, что ему надо: *отгурьялся* — насобирал довольно. Выловил рыбы — тоже *отгурьялся*. А не *отгурьялся*, так скажет: по нулям у меня, ничего нет» (Варзуга) и др. [ЛКТЭ].

В ходе полевой работы мы пытались задавать информантам вопросы, стимулирующие метаязыковую (мотивационную) рефлексию, связанную с этим словом. Было установлено, что никто из информантов не связывает глагол *отгурьяться* с «ориентационным» *гурьем*, но некоторые (не все) видят связь между этим глаголом и выражениями типа *гурья показать*, ср.: «Ты *отгурьялся*? — Нет, не поймал ничего. — Я тебе в следующий раз *гурья покажу*. Рыбаки приехали — а кто-то встречает. Да, я *отгурьялся*! Мне *гурья* не покажут. Я обловился — поймал. Значит, *гурья* мне не будет! Я обловился, я *отгурьялся*, от *гурья* защищен» (Чапома) [ЛКТЭ]. Таким образом, слово *отгурьяться* понимается как «уход» от *гурья* (*гурья*) как неудачи. С точки зрения словообразовательной семантики интересно сравнить оттенки синонимии двух глаголов, выступающих в последнем контексте, — *отгурьяться* и *обловиться*: благодаря значениям приставок, первый глагол ставит акцент собственно на удаче промысла, а второй — на избегании неудачи. Приставка *об-* в *обловиться* имеет значение доведения действия до некоторого предела; ср., кстати, значения глагола *обрыбиться* — уральск. ‘поймать много рыбы’, влг. ‘получить, добыть, насобирать чего-либо’ [СРНГ, 22: 217]. Что касается приставки *от-*, то она в составе глагола *отгурьяться* имеет значение уклонения, удаления, при этом в контекстах может эксплицироваться еще один смысловой нюанс, ср. «Ты на озеро сходил, *отгурьялся*? — Да, *отгурьялся*, слава богу, не то, что вчера!» (Чаваньга): здесь реализуется контекстное значение ‘поймать рыбу (зверя) после неудачного промысла в прошлый раз’, т. е. семантически *отгурьяться* аналогизируется с *отыграться*.

Показательно, что семантика глагола *отгурьяться* может испытывать расширение, при котором «промысловая» детализация уходит, ср. терск. *отгурьяться* ‘сделать что-либо результативно, удачно’: «Отгурьялась, как в магазин сходила: яблоки привезли. Отгурьялась сегодня: три гряды прополола» (Варзуга) [ЛКТЭ]. Тем самым глагол может пополнить коллекцию лексических фактов, реализующих модель ‘удача на охоте, в рыбной ловле’ → ‘везение, удача, успех’ [Урбанович 2007: 87–90]. Эта коллекция небольшая, но выразительная в этнолингвистическом плане, поскольку демонстрирует «рыболовоцентричный» взгляд на мир носителей русского языка — по крайней мере, тех, кто принадлежит озерной, речной или морской культуре¹⁵.

¹⁵ Кстати, приведенный выше глагол *обрыбиться* тоже заслуживает попадания в ту группу фактов, которые рассматривает Г. И. Урбанович.

Помимо расширения семантики, возможны также смысловые сдвиги, когда *гурий* «смещается» с промысловой неудачи на другие ее виды — например, социокультурную. Так, девушку-«обладательницу» *гурия* не приглашают на танцы, ср. карел. онеж. *отвести от гурья* ‘избавить девушку от одинокого сиденья на вечеринке (без кавалера)’: «Кто в тальяночку играет, Тот и песенки поет, Кто кисеты получает, Тот *от гурья ответит*» <частушка> (1931) [СРНГ, 24: 140] (при *отвести* ‘избавить от чего-либо’), олон., онеж. *прийти (просидеть) с гурьём* ‘просидеть на вечеринке без кавалера’: «Что, пришла домой с гурьём? Что, просидела вечеринку с гурьем?» (1931) [СРНГ, 7: 240]. Неудача на танцах для носителей народной традиции — очень серьезный вид неудачи: это происходит на глазах у всего социума (и собственно танцы, и последующие гуляния-проводы девушки) и влечет за собой, как правило, матримониальные следствия (отказ парня жениться на девушке). Неслучайно представления о такой неудаче широко вербализуются в диалектной фразеологии, переключаясь или совпадая по своей мотивационной основе с лексическими единицами, обозначающими собственно измену, ср. примеры и их анализ в [Кучко 2017: 208–211]: новг. *подсыпать рыжики кому, прокатить на вересине кого* ‘изменить, нарушить верность’: «Прокатила тебя милашка на вересине, вчера цельный вечер с Вовкой Смирновым танцевала, говорят, и провожаться пошли вместе», влг. *труба тебе* ‘об измене’: «Если парень гулеет с девкой, а на беседе позовёт другую, так той девке и говорят: “Тебе труба сегодня”» и др.

III. Перейдем к собственно этимологической части.

3.1. Надежной этимологии у слова *гурий* нет. Рассмотрим существующие версии.

3.1.1. А. Е. Аникин с осторожностью предлагает связь с антропонимом *Гурий* — либо в честь мученика Гурия, либо в память о человеке, впервые воздвигнувшем каменный *гурий* или *гурей* [Аникин РЭС, 12: 254]. При этом конкретные исторические доказательства отсутствуют, есть только гипотетическая параллель: название города *Гурьев* в Казахстане, поименованного в честь основателя, Гурия Назарова [Там же].

Думается, что если проверять эту версию для анализируемого нами *гурия*, то надо отталкиваться от предположения о св. Гурии (имя «профанного» исторического персонажа могло бы лечь в основу названия населенного пункта, покоса и пр., но для обозначения каменного ориентира такая номинативная модель нам не известна). Что касается святого, то в русской народной христианской традиции отмечен культ свв. Гурия, Самона и Авива¹⁶, при этом у новгородцев этот культ достаточно заметен (см., например, [Алексеева 2021]). Он прослеживается и на территориях новгородской колонизации, в том числе на Русском Севере. Есть несколько ярких примеров, показывающих, что имена Гурий, Самон и Авив (с многочисленными вариациями) представлены в заговорной традиции Русского Севера. Так, среди заговоров, записанных в населенных пунктах бассейна Северной Двины, присутствуют тексты, обращенные к мученикам свв. Гурию, Самону и Авиву как покровителям супружества и брака; к ним же могли обращаться для отыскания краденого, при отправлении в путь или в целях обеспечения удачного улова: «Святые великие моученики Бурья и Симон и Оиф, помолите Бога о мне грешной» [Васкул 2016: 416]. В Карелии отмечены заговоры, произносимые при отъезде в дорогу, обереги перед входом в лес: «Едем мы в дорогу, стоит Матерь Божия у порога и Спаситель Николай. (...) Гурей, Самон и Авив — поручители мои, выручите нас из беды!» (Водлозерье) [Логинов 2006: 215]; «Апостолы Сим, Гурий, Овин, помогите мне набрать ягод (грибов...)» (Прионежский район Карелии) [РЗК: 115, № 344]¹⁷.

¹⁶ Гурий, Самон, Авив (III–нач. IV в.), мученики, исповедники (память 15 ноября по ст. ст.).

¹⁷ Заговорные тексты с обращением к Гурию, Самону и Авиву (о счастливой жизни в браке, об отыскании украденного, о рыбной ловле) отмечаются также на территории Вологодской губернии, Олонецкой губернии [РКЖБН 2007: 375, № 226; РЗРИ: 117, № 60]. По свидетельству из Белозерья (нач. XX в.), «святых этих Гурия, Самона и Авива чтут колдуны» [РЗРИ: 237].

При том, что упоминания этих святых в культурно-языковой (заговорной) традиции Русского Севера вполне явственны, их все-таки нельзя считать частотными: так, среди заговоров на удачу в рыбной ловле с большим отрывом «лидируют» тексты, обращенные к Николаю Чудотворцу (а не к Гурию, Симону и Авиву). Это обстоятельство не позволяет думать, что семиотический потенциал агнионима *Гурий* настолько силен, чтоб стать непосредственным мотиватором изучаемого нами нарицательного имени *гурий* в ориентационном значении (и производном от него значении неудачи). Однако вполне вероятно вторичное влияние имени святого (и стоящих за ним коннотаций): это имя может внести свой **мотивирующий вклад** (подчеркнем, **вторичный!**) в формирование той семантики слова *гурий* и под., которая связана с удачей в промысловой деятельности.

3.1.2. Нет однозначного ответа об этимологических истоках *гурия* и у С. А. Мызникова. Предлагаемые им в [Мызников РДЭС: 171–172] подходы (игра слов на русской почве, возможная связь с семантически близким термином *кекур*¹⁸, сопоставление с фин. *hura* ‘беспорядок, разруха’ при карел. *hura* ‘левый; необычный, чужой’) в равной степени дискуссионны.

3.1.3. Авторы данной статьи проверили еще одну версию, которая была подсказана наличием в словарях русского языка XVIII в. терминологического сочетания *гуроватые горы* ‘под сим наименованием разумеются у рудокопов горы из слизкого или мыловатого камня состоящие’ [Яновский, 1: 652]; то же со ссылкой на Яновского в [СлРЯ XVIII, 6: 15]. Это близко сочетанию *гурьеватый бережок* (*наволоок*), обладающему несомненной производностью от *гурия* (см. раздел 1.6 настоящей статьи). Слово *гуроватый* (о горе) производно от *гур* — ‘у рудокопов так называется минеральная течка в горах, которая не что иное есть как материя, наподобие коровьего масла, из камня выступающая. Зеленый цвет сей материи показывает руду, содержащую медь, алой висмут и кобальт, а белый цвет обыкновенно серебро. Темно-цветные и желтые гурь свойственны почти всем металлам’ [Яновский, 1: 652]. Это слово восходит к лат. *gur* < греч., непоср. и через нем. *Guhr* ‘то же’ [СлРЯ XVIII, 6: 15]. Термин *гур* встречается в минералогических сочинениях XVIII в. (см., к примеру, [Севергин, 1: 342, 500–501]), но в более поздних источниках отсутствует, будучи заменен другими обозначениями натеков. Следует отвергнуть возможность его связи с *гурием*, поскольку эта версия слаба и в формальном плане (неясен переход *гур* > *гурий*), и в плане семантики (*гур* — это именно натек, называемый также *плавающим мелом* или *горным мозгом*, что далеко от значения ‘каменная пирамида’), и в плане социолингвистических обстоятельств заимствования (непонятно, как термин, бытовавший в узкоспециальном контексте горного дела, проник в поморскую народную традицию).

3.2. Отвергая те версии, которые изложены выше, мы сочли необходимым обратиться к языкам и традициям **других этнических коллективов Кольского севера** — саамским, прибалтийско-финским и скандинавским. Каждый из названных языков может в той или иной степени рассматриваться в качестве источника поморского *гурия*.

3.2.1. Так, кажется естественным с учетом практиковавшейся саамским населением полуострова сакрализации каменных кладок и отдельных валунов, культурой почитания сейдов (*saN siei'di*, *saKild si'jd*, *saT siej'de*) искать **саамские истоки** термина. Сам термин был известен всем саамским языкам и имеет древнескандинавские истоки [Parola 2004: 235]. Однако для называния сейдов в финской Лапландии чаще использовали термины *voai'ke*, *šeäl'si*, *šihti*, *pālviš* [Itkonen 1948, II: 313], в норвежской, в свою очередь, для именования священных камней был известен термин *vero* или *verogerke* [Kjellström 1987: 29], а в русской *täppe* или *sijty-täppe* [Genetz 1891: 59]. Не все из них прозрачны этимологически. Можно полагать, что по крайней мере *šihti* имеет единые корни с прибалт.-фин. *hiisi* : *hiiden* < **šijti* ‘священное место; могильник; могучий злой дух’, *pālviš* является именным производным от глагола *palvat* ‘поклоняться’, а *vero* ‘жертва, (жертвенная) еда’ является, очевидно, прибалтийско-финским заимствованием [Álgu]. Просмотр относительно широкого круга этнографических описаний и словарей отдельных саамских языков / диалектов

¹⁸ Подробнее об этом слове в разделе 1.5 настоящей статьи.

выявил один термин, в звучании своем приближающийся к *гурию*. В нескольких говорах диалекта колтта (говоры Патсойоки и Суоникюля) на самой границе России, Финляндии и Норвегии фиксируется лексема *urrâ* ‘пирамида из камней’ [Nielsen, III: 702]. В словаре Т. И. Итконена для *urrâ* ‘пирамида из сложенных друг на друга камней (особенно расположенная на вершине горы); каменная стена’ предлагаются скандинавские корни [KKLS, I: 701]. Сам конкретный скандинавский источник не указывается — ни здесь, ни в известной саамской этимологической базе данных Ålgu. С учетом же того, что термин неизвестен остальным саамским языкам / диалектам, бытующим на территории Норвегии, Швеции и Финляндии, а представлен только в зоне активных поморских контактов, за ним логично видеть не столько скандинавский, сколько русский источник в виде *гурия*. Это тем более вероятно, что единственный этнографический контекст, приведенный в словаре Т. Итконена в статье *urrâ*, схож с соответствующими поморскими: *te urte mennim* ‘да к «гурию» пошел / попал’ — слова охотника, возвращающегося домой без добычи [KKLS, I: 701]. Небезосновательно, таким образом, полагать, что слово было усвоено не поморами от саамов, а, наоборот, перешло к последним от русских поморов в результате активных контактов в районе Мурмана, восточного Финмарка и всего Кольского полуострова.

Такова же ситуация и в более восточных саамских языках Кольского полуострова, в которых не удалось обнаружить оригинал для *гурия*. Примечательно следующее описание от 1876 г., приведенное в путевых заметках известного финского языковеда XIX в. Арвида Генеца. В языке терских или йоканьгских саамов он отмечает термин *tårpe* или *sijty-tårpe*, называвший каменные кучи высотой в 1 ½–2 ½ локтя, располагавшиеся у дорог или в гаванях и помечавшие места, в которых «побывал некий плохой дух». По-русски их называли *гуриями* или *сидушками*, и для вымаливания хорошей погоды им жертвовали хлеб с солью, серебро или медные пуговицы, а в недавнем прошлом у таких *tårpe* совершался и обряд жертвоприношения оленя [Genetz 2008: 50]. Примечательно, что для В. В. Чарнолуского, комментирующего материалы Генеца, «сейдовая» суть гурьев как «обиталищей духов» остается под вопросом, на передний план выносятся их предназначение быть дорожными знаками [Чарнолуский 1930: 54–55]¹⁹. Однако оба автора, согласны, кажется, в том, что термин *гурий* является фактом русской, а не собственно саамской речи: А. Генец прямо отмечает это в тексте, а В. В. Чарнолуский пишет его кириллицей, в то время как *tåßfe* (у Генеца *tårpe*) — латиницей. Есть и еще один показательный факт поморского, т. е. русского бытования слова и его обрядового контекста в терском саамском. Описывая неудачную рыбалку саамов на Поное во время осенней путины, Генец пишет, что «рыбаки возвращались “*s gurjám*” <с гурьями>, т. е. с пустыми руками» [Genetz 2008: 31], используя русское выражение.

3.2.2. Если все-таки в контексте значительных скандинавских связей Кольского полуострова уже в начальные века II тыс. н. э. иметь в виду возможность **скандинавской этимологии** для колтта-саамского слова *urrâ*, то внимание привлекает швед. диал. *harg*, *horg*, *horv* ‘пирамида, сложенная из камней’, норв. *horg* ‘капище, место языческих приношений с жертвенником из камня’, диал. ‘вершина холма’ при др.-сканд. *horgr* ‘пирамида из камней, жертвенный комплекс, каменный алтарь’ [Vries 2000: 281; Kroonen 2013: 211]. Термин отмечен уже в Старшей Эдде в середине XIII в. [ONP]. При этом он имел семантику сакрального места уже в древнегерманской перспективе [Kroonen 2013: 211]. Сходное по семантике и звучанию слово имеется и в кельтских языках (например, др.-ирланд.,

¹⁹ Ср.: «...у дорог или несколько в стороне от них стоят столбы выше человеческого роста из наложенных друг на друга камней. Будто бы они похожи на человека. Называются они *гуриями*. И *гурии*, и *tåßfe* стоят на высоких местах и видны издалека. (...) Возникают *tåßfe* следующим образом. Если лопарь или группа лопарей заблудилась и затем счастливо нашла правильный путь, на наиболее приметном месте ставится знак. Теперь на дороге можно встретить массу *гурийков* — это ребята балуют во время переездов. Родители подобного баловства не запрещают, тогда как прежде не позволяли» [Чарнолуский 1930: 54–55].

гэльск. *carn*, откуда совр. англ. *cairn*); предполагается, что и в германских, и в кельтских языках слово является доиндоевропейским заимствованием [OED; Kroonen 2013: 211]. При этом какая-то традиция, связанная с привязкой данных сложений к промысловым практикам населения, нам не известна²⁰. Косвенно интерпретация поддерживается как наличием целого ряда скандинавских заимствований в саамских языках, так и сакральной семантикой слова. Непреодолимых фонетических сложностей для выстраивания скандинавской этимологии, кажется, нет, особенно с учетом того, что выпадение начального скандинавского медиального *h* укладывается в свойственную восточным саамским диалектам особенность адаптации скандинавских заимствований [Aikio 2006: 10]. Правда, фонетически сопоставление все же не безупречно, особенно в связи с игнорированием конечного взрывного *g*. Кроме того, предложенная (под вопросом) скандинавско-саамская связь продуцирует, скорее, помор. *урий*, чем *гурий*. Может ли здесь быть какой-то другой путь, например, прямое, не опосредованное саамской языковой традицией проникновение термина из норвежского в поморские говоры? Оставляем вопрос без ответа, хотя именно такой путь прошли некоторые известные скандинавские заимствования в Поморье [Березович 2019].

3.2.3. На этом фоне с фонетических, в меньшей степени семантических, позиций привлекателен **прибалтийско-финский источник** в виде *hurri* и производных от него *hurrikas*, *hurrikainen*, которые входят в круг терминов, использовавшихся в номинации деревьев-знаков, распространенных у прибалтийско-финских народов. Формальная сторона сопоставления не вызывает возражений: общеизвестны передача приб.-фин. геминат одиночными согласными, как и воспроизводство приб.-фин. ларингального фрикатива *h* в виде севернорусского *г* в позиции перед гласным, они хорошо доказываются массовыми лексическими и топонимическими свидетельствами. Нарращение *-й* после конечного прибалтийско-финского гласного также укладывается в ряд аналогичных примеров, пусть и не столь многочисленных: ср. приб.-фин. *кокуй* ‘Иванов день’ — *kokko* ‘праздничный костер’, *куккуй* ‘белый хлеб, мякушка’ — *kukko*, *халуй* или *холуй* ‘подводный камень’ — *kalu* [Мызников РДЭС: 321, 364, 842]. Оно убедительнее в топонимии, где засвидетельствованы и случаи закрепления *й* в позиции после гласных переднего ряда: в Заонежье остров *Ленай* (*leppä* ‘осина’), мыс *Пырей* или *Пырейнаволок* (*perä* ‘задний’), заливы *Ильней* (*yline* ‘верхний’), особенно *Калийгуба* (*kalli* ‘скала’), урочище *Ловгий* (*louhi* ‘каменоломня’) и др. [КТК]. За этим стоит, конечно, специфика русских ауслутных безударных гласных на фоне прибалтийско-финских, отличающихся в этой позиции полновзвучием.

Семантическая аргументация более зыбка. В говорах северной Финляндии, финской Лапландии [Sarmela 1994] *hurri* и его производные обозначают дерево, которое обрубалось специальным образом в честь неофита — например, гостя, впервые посетившего дом; косца, пришедшего на новый покос; нового члена артели, первый раз присоединившегося к ней на охоте или рыбалке. Обрубались ветки сосны или ели в нижней и верхней части ствола, в средней оставляли одну-две (или целый круг) ветки, вершина сохранялась. В результате дерево (сосна, ель) приобретало антропоморфные очертания. Нередко на стволе делался затес, а иногда вырезалась антропоморфная фигура. Неофит должен был обязательно отдарить вырубившего дерево. Впрочем, иногда *hurri(kas)* вырубал и сам новичок, помечавший таким образом свое пребывание на новом для себя месте. Считается, что процесс рубяния личного дерева — это «сотворение отсутствующего <в новом месте> духа-покровителя» [Конкка 2013: 87]. Однако со временем функции модифицировались, как модифицировалась и семантика слова. На первый план выходила чисто прагматическая функция такого помеченного дерева как своеобразного дорожного знака. Показательно в связи с этим, что саамские говоры, усвоившие слово, отразили разные этапы его семантической жизни, внося в нее дополнительно и свое содержание. В северосаамском отмечен *hur'ri* ‘впервые посетивший какое-то место или дом человек’ [Sam-mallahti 1989], в саамских говорах северной Швеции *hurrek* приобрело значение метки

²⁰ Благодарим за консультацию Т. Н. Джаксон, Ф. Б. Успенского и А. И. Фалилеева.

на стволе дерева, отмечающей дорогу [SSA], *hure-* ‘приметное окарзанное дерево, показывающее путь’ [Wiklund 1890].

Можно полагать, что в условиях Поморья, его скалистых берегов с малой облесенностью традиция сакрального дерева могла трансформироваться в традицию сакрализации каменной пирамиды, тем более под влиянием саамского почитания камней. Хорошая параллель — саамская традиция деревянных сейдов (фин. *puuseidat*) — деревьев с обрубленными нижними ветками или обрубленных на высоте одного метра стволов, которым придавали антропоморфные черты и вырезали иногда личину. Функционально они были аналогичны каменным сейдам [Pentikäinen 1995: 152–153]. В этом же контексте обращает на себя внимание известный у беломорских карелов обычай устанавливать рядом с сакральными деревьями кресты, а также оставлять под ними камень для удачи в пути, так что со временем образовывались целые каменные кучи [Конкка 2003: 225–226]. Выше мы писали о поморской замене каменного гурия деревянным, если камня под рукой не оказывалось.

Традиция вырубания дерева в честь нового члена охотничьей или рыболовной артели, как и номинация новичка *hurri(kas)*, известна по крайней мере со Средневековья [Sarmela 1994]. Сейчас и сам термин, и традиция присутствуют преимущественно в языковом ареале саволакских и северных ботнических говоров, которые (особенно первые) исторически «выросли» из древнекарельского. Карельский контекст важен в связи с поморским *гурием* потому, что именно карелы были на протяжении многих веков важным компонентом в этническом составе населения, что подтверждается документально уже начиная с новгородской эпохи. Земельные владения «карельских детей», т. е. карельских феодалов из Северо-Западного Приладожья, располагались на Карельском и Терском берегах Белого моря, а упоминания о самих «карельских детях» встречаются в грамотах 1460–1470-х гг., имевших отношение к Поморью. Формирование значительной части поморской территории происходило на землях, основным населением которых к моменту появления славянских переселенцев являлись карелы. При этом исследователи признают, что прямой саамско-русский контакт исторически здесь был редок, а происходил через карельское посредство, поскольку во многих местах карелы предшествовали новгородцам [Бернштам 1978: 55, 62]. В русских говорах и топонимии Поморья присутствует значительный карельский след, которым может быть и термин *hurri*. Хотя он лишь фрагментарно засвидетельствован в современных карельских диалектах, есть некоторые косвенные свидетельства его былого бытования, в том числе древнекарельские корни диалекта Саво, а также универсальная закономерность консервации языковых единиц на окраине языкового ареала. К числу таких косвенных свидетельств могут относиться и бытующие в Беломорской Карелии выражения *piäsi huu'eilta* <освободился от гурия> ‘о рыбаке, поймавшем первую рыбу, или охотнике, убившем первого зверя’, *tulou huu'eissa kotih* <пришел домой с гурием²¹> ‘о том, кто вернулся без добычи’, *et piäššyn huu'eilda* <не освободилась от гурия> или *koko illan istu huureilla* <весь вечер сидит на гурии> ‘говорили девушке, которую не приглашали танцевать’ [KKS]. С одной стороны, они аналогичны соответствующим русским поморским выражениям (см. выше раздел 2.3) и могут быть их кальками, с другой, в фонетическом облике присутствует явный карельский маркер — начальный *h*, а не *k* или *g*, которые последовательно выступают на месте *g* в русских заимствованиях, ср. кар. *kupa*, *guba* ← русск. *губа* ‘залив’, *kuatiet* ‘штаны, подштанники’ ← др.-руссск. **gatja*, русск. *зачи*, *kosija*, *gost'a* ← *гость* [SSA; Kalima 1952: 90–91] и др. Не есть ли это след карельского прошлого в жизни *гурия*? Отсутствие прямых бесспорных свидетельств ослабляет (древне)карельскую интерпретацию *hurri*, но не отвергает ее совсем. Впрочем, следует иметь в виду и возможность более позднего по времени влияния говоров территории северной Финляндии, где термин *hurri* фиксировался уже в XVI в. [Nirvi 1982: 88]. Нужен дальнейший поиск, тем более что и у самого прибалтийско-финского термина нет окончательной этимологии. По одной версии, он входит в круг терминов свадебной обрядности

²¹ Буквально «в гурии».

[Ibid.], другая исходит из известной средневековой европейской традиции приема новичка в профессиональную артель [Vilkuna 1952].

На этом этапе поиска этимологических истоков поморского *гурия* сложно отдать предпочтение какой-то из предложенных (в данной части раздела 3.2) версий. Каждая из них (прибалтийско-финская, собственно скандинавская или скандинавская, опосредованная саамской языковой традицией) имеет основания как в этнокультурной истории региона, так и в языковых параметрах. В то же время не исключаются другие возможности, вплоть до палеоевропейской интерпретации — в силу присутствия в саамских языках мощного доиндоевропейского субстрата [Хелимский 2002: 84] и устойчивости терминологии сакральной жизни.

Заключение

Коротко подведем итоги. Рассмотренное в статье слово *гурий* «больше, чем одно слово»: оно подобно той каменной пирамиде-ориентир, которую обозначает. Во-первых, оно является вершиной большого семантико-деривационного гнезда, соединяющего множество значений, не связанных в синхронной плоскости между собой, но обнаруживающих крепкие связи реальных материальной и духовной культуры; во-вторых, его история проливает свет на особенности взаимодействия разных лингвогенетических и социолингвистических традиций Поморья.

В семантико-деривационном гнезде с вершиной *гурий* выделены два лексических блока: 1) слова с базовым значением ‘каменный ориентир’ и их производные, 2) лексика, группирующаяся вокруг ядра ‘промысловая неудача’. В каждом блоке есть слова, находящиеся на разном смысловом расстоянии от вершинного слова, в том числе весьма удаленные от него. Так, *гурий* ‘куча экскрементов’ и *гурья* ‘указательные знаки из квашни (при гада-нии)’ нетривиально связаны с базовым значением первого блока, а глагол *отгуряться* ‘сделать что-либо результативно, удачно’ и выражение *отвести от гурья* ‘избавить девушку от одинокого сиденья на вечеринке (без кавалера)’ на несколько шагов ‘отошли’ от семантики промысловой неудачи. При этом смысловые звенья внутри гнезда поддаются реконструкции, что позволяет дать семантико-мотивационную и этимологическую интерпретацию затемненных слов, входящих в гнездо, а также выявить культурный контекст, стоящий за рассматриваемым термином. В этом контексте наблюдается высокая аксиологичность денотата: промысловый ориентир — исключительно значимая реалья для жителей Русского Севера, он не только отмечает место улова и служит навигационным знаком, но и аккумулирует в себе другие функции, относящиеся уже не к практической деятельности, а к области духовной культуры: служит «памятником» событиям, «орудием» метеорологической магии. Удача на промыслах, связываемая с гурием, становится эталоном удачи вообще. Неудача же концептуализируется как отсутствие улова и ассоциируется с матримониальной неудачей (парень не приглашает девушку танцевать): показательно, что выбираются именно те виды неудач, которые переживаются на глазах социума, а потому особенно болезненны. Существенны также тесные связи между представлениями о разных видах промысловой деятельности (ловом рыбы, охотой, сбором грибов и ягод) при ведущей для поморов роли рыболовства. Важная характеристическая черта народной традиции видится и в том, что бытовая ценность предмета влечет за собой появление обрядовой деятельности, которая с ним связана, причем обрядовые действия «энантиосемичны» — от молений у *гурия* до «оскорбления» его путем ритуальной демонстрации гениталий и апелляции к куче экскрементов.

Поиски этимологических истоков *гурия* вывели на две возможные интерпретации: скандинавскую (в том числе опосредованная саамской) и прибалтийско-финскую. Обе поддерживаются соответствующим историко-культурным контекстом и своим рядом

заимствований. Не исключено, что изначально скандинавский культурный феномен и его именование (сканд. **hǫrggr*), усвоенные в саамскую традицию (*urrâ*), получили новый импульс для развития благодаря созвучному прибалтийско-финскому *hurri*, откорректировав его звучание и усилив семантику сакрального знака. Известны примеры того, как сакральные символы другого этноса усваивались последующим или территориально смежным населением, сопровождаясь определенной модификацией в звучании и семантическом наполнении их наименований. В поморском *гурии* можно в принципе увидеть как наследие скандинавского термина, обозначавшего сложенную из камня пирамиду, так и прибалтийско-финского, связанного с манифестацией первого опыта (как правило, промыслового). Представляется, что прибалт.-фин. *tehdä hurri* <сделать хурри> ‘об обрубании веток или ствола дерева в честь первого опыта, например, первой добычи рыбака или охотника’, логично продолжается в помор. *отгурьяться* ‘завершить рыбалку (охоту) результативно, с (хорошим) уловом’. Не исключено, таким образом, что неким импульсом для развития значения промысловой удачи / неудачи в поморской среде могла послужить свойственная прибалтийско-финскому термину *hurri* семантика неوفита, первого удачного опыта.

Типологически *гурий* вписывается в ряд других культурных терминов с сакральной семантикой, которые получили разнонаправленное смысловое развитие в ходе жизни слова. Помимо *сейдов* из наиболее близких в «материальном» (каменном) выражении — это прибалтийско-финский термин *hiisi*, который прошел через несколько этапов семантической деривации: первоначально большой камень, бывший алтарем на языческом кладбище → языческое кладбище → роща, выросшая на его месте и сохранявшая память о культовом месте → место языческого поклонения, расположенное в глуши → гений этого места (черт, леший, водяной, тролль, лесной великан) с соответствующим комплексом фольклорно-этнографических представлений, см. подробнее [Березович и др. 2021]. При этом наиболее вероятная этимология возводит слово к скандинавскому истоку со значением ‘каменоломня, густой лес, пещера’ [SSA, 1: 162], так что сакральная семантика, представленная в скандинавском этимоне минимально, в полную меру развилась уже на прибалтийско-финском этапе.

Если признать этимологическую связь *гурия* с *hurri* ‘дерево-знак’, то он оказывается в одном ряду с прибалт.-фин. *karsikko* — другим известным термином, называвшим приметные деревья, которые использовались в обрядах перехода, а также календарной и промысловой обрядности как ритуальный символ со значениями духа-охранителя. Затруднительно выстроить последовательный ряд семантической деривации для термина, демонстрирующего такую многоаспектность. Предполагается, что обширное смысловое пространство выросло из примарной охранной функции таких деревьев-оберегов. Таковы были первоначально и придорожные карсикко, вырубавшиеся с целью защиты путника (особенно неوفита) в пути. Семантика придорожного знака, ориентира вторична. Предполагается, что такая идея защиты лежала изначально и в основе промысловых карсикко: оно не просто отмечало место удачной рыбалки, но служило своеобразным апотропеем, оберегом в ситуации нарушения мирового равновесия (слишком много рыбы попало); следовало сделать карсикко во избежание возможного несчастья [Конкка 2013: 43–44]. Менее многозначны промысловые деревянные столбы *keripää* ‘круглая голова’, *kalajumala* ‘рыбий бог’ или *puujumala* ‘деревянный бог’ — обрубленные стволы деревьев с круглым наверху, распространенные в прошлом в Лапландии и Беломорской Карелии. Это сугубо промысловые знаки, имевшие, очевидно, саамские истоки, но усвоенные впоследствии пришлым карельским и финским населением. Их вырубали при большом улове рыбы или жемчуга, а также добыче оленя или дичи и считали «деревянными богами». При этом в случае неудачного промысла их секли вицами — подобно тому, как наказывали сейды, откалывая от них кусочек. Для удачи же и под столбы, и под деревья-карсикко приносили камни, образовавшие со временем каменные сложения.

Поморские гурии естественным образом входят в эту переплетающуюся «каменно-деревянную» северную разноэтничную традицию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АОС — *Архангельский областной словарь*. Гецова О. Г. (ред.). М.: МГУ, 1980—. Вып. 1—.
- Бадигин 1956 — Бадигин К. С. *По студенным морям*. М.: Географгиз, 1956.
- Барсов 1882 — Барсов Е. В. Севернорусский словарь. *Притчтанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. 2. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские*. М.: Университет. тип., 1882, 317–335.
- Васкул 2016 — Васкул А. И. Заговоры Северной Двины (по материалам экспедиций Пушкинского Дома 2009–2010). *Русский фольклор: Материалы и исследования*. Рейли М. В. (ред.). СПб.: Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2016, 413–436.
- Гемп 2004 — Гемп К. П. *Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений*. 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск: Поморский ун-т, 2004.
- Даль 1–4 — Даль В. И. *Словарь живого великорусского языка: в 4 т.* 2-е изд. СПб.; М.: Изд-во М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
- Даль ПРН, 1–3 — Даль В. И. *Пословицы русского народа: в 3 т.* М.: Русская книга, 1993.
- Дуров 1929 — Дуров И. М. *Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья*. Соловки: [б. и.], 1929.
- КТК — *Картотека топонимов Карелии* (Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск).
- КСГРС — *Картотека Словаря говоров Русского Севера* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Куликовский 1898 — Куликовский Г. И. *Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1898.
- Кушков 2011 — Кушков Н. Д. *Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика*. Варзуга (Мурманская обл.): Опимах, 2011.
- ЛБП — Козлов В. Росписание мореходства, или Лоция беломорских поморцев. *Морской сборник*, 1866, LXXXIII(3): 19–51.
- Литке 1828, 1–2 — Литке Ф. П. *Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное по повелению императора Александра I, на военном бриге «Новая Земля» в 1821, 1822, 1823 и 1824 годах флота капитан-лейтенантом Федором Литке: С присовокуплением путешествий лейтенанта Демидова в Белое море и штурмана Иванова на реку Печору*. Т. 1–2. СПб.: Морская тип., 1828.
- ЛКТЭ — *Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета* (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Матонин 2017 — Матонин В. Н. Мореходная книга «Ръка Кушерецка»: феномен беломорской лоции XVII–XVIII вв. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2017, 3(69): 83–84.
- Маштаков 1931 — Маштаков П. Л. *Материалы для областного водного словаря*. Л.: Изд-во Гос. гидролог. ин-та, 1931.
- Меркурьев 1979 — Меркурьев И. С. *Живая речь кольских поморов*. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1979.
- МК — Морозов Н. В. Мореходная книга, или Лоция Беломорских поморов. *Записки по гидрографии*, 1909, XXX: 269–305.
- Мосеев 2005 — Мосеев И. И. *Поморьска говоря: Краткий словарь поморского языка*. Архангельск: «СОЛТИ», 2005.
- Немирович-Данченко 1877 — Немирович-Данченко В. И. *Страна холода. Виденное и слышанное*. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1877.
- Обручев 1929 — Обручев С. *На «Персее» по полярным морям*. [М.]: Моск. т-во писателей, 1929.
- Окороков 2005 — Окороков А. В. Словарь терминов, употребляемых беломорскими рыбопромышленниками и судостроителями. *Культура русских поморов: опыт системного исследования*. Черновитов П. Ю. (ред.). М.: Научный мир, 2005, 369–392.
- Опыт 1852 — *Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук*. Востоков А. Х. (ред.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1852.
- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. И. *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885.
- Попихина 2021 — Попихина Ю. С. *Кузрека — поморское селение Беломорья*. Изд. 2-е, испр. и доп. Умба (Мурманская обл.): ООО «Поморы Терского района Мурманской области», 2021.

- РЗК — *Русские заговоры Карелии*. Курец Т. С. (сост.). Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000.
- РЗРИ — *Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в.* Топорков А. Л. (сост., подг. текстов, статьи и коммент.). М.: Индрик, 2010.
- РК — *«Река Кушерецка»: мореходная книга XVIII века (историко-культурный контекст, материалы, исследования)*. Матонин В. Н. (науч. ред.), Комягина Л. П. (палеогр. анализ), Тропина В. В. (подгот. текста, слов.). Архангельск: TCM, 2011.
- РКЖБН 2007 — *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды*. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Матвеев А. К., Рут М. Э. (ред.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–Т. 1–.
- Севергин, 1–2 — Севергин В. М. *Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение всех в минералогии употребительных слов и названий, также все в науке сей учиненные новейшие открытия: в 2 т.* СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1807.
- СЛРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*. Т. 1–. Л.; СПб.: Наука, 1984–.
- Смолянников, Бондик 2006 — Смолянников С. А., Бондик В. А. *Тайна трех капитанов (по следам реальных героев романа Вениамина Каверина «Два капитана»)*. Эл. публикация, 2006. <https://rudocs.exdat.com/docs/index-359137.html?page=8>.
- СНРРА — *Словарь народно-разговорной речи города Архангельска. Т. 2. Городские социолекты. Ч. 1. Профессиональная речь моряков и рыбаков*. Сидорова Т. А. (общ. ред.). Архангельск: САФУ, 2016.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т.* Герд А. С. (гл. ред.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А. (гл. ред.). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- СРЯ (Зеленин), 4/1 — *Словарь русского языка. Составлен Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 4, вып. 1 (К–Кампилист)*. Зеленин Д. К. (ред.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1906–1907.
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
- СЦСРЯ — *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: в 4 т.* СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1847.
- Харузина 1902 — Харузина В. *Лопари. Очерк*. СПб.: Н. Морев, 1902.
- Чарнолуцкий 1930 — Чарнолуцкий В. В. *Материалы по быту лопарей: Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова*. Л.: Гос. русское географическое общество, 1930.
- Энгельгардт 2019 — Энгельгардт А. П. *Русский Север: Путевые записки архангельского губернатора*. М.: Издательские технологии / RUGRAM, 2019.
- Яновский, 1–3 — Яновский Н. М. *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины (...): в 3 т.* СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1803–1806.
- Álgu — *Álgu: Saamelaiskielten etymologinen tietokanta / Kotimaisten Kielten Keskus*. <https://kaino.kotus.fi/alg>.
- Genetz 1891 — Genetz A. *Kuollan Lapin murteiden sanakirja ynnä kielelnäytteitä*. Helsingfors: Finska Litteratur-Sällskapets tryckeri, 1891.
- KKLS — Itkonen T. I. *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. I–II*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja. 1–6*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005.
- Kroonen 2013 — Kroonen G. *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Leiden: Brill, 2013.
- Nielsen — Nielsen K. *Lappisk (samisk) ordbok / Lapp dictionary*. Vols. I–V. Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning. Serie B: Skrifter XVII₁–XVII₅. Oslo: Universitetsforlaget, 1979.
- ONP — *Dictionary of Old Norse Prose*. <https://onp.ku.dk/onp/onp.php>.
- Sammallahti 1989 — Sammallahti P. *Sámi-suoma sátnegirji / Saamelais-suomalainen sanakirja*. Ohcejohka: Jorgaleaddji, 1989.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3*. Itkonen E., Kulonen U.-M. (eds.). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
- Vries 2000 — De Vries J. *Altnordisches Etymologisches Wörterbuch. Zweite verbesserte Auflage*. Leiden: Brill, 2000.
- Wiklund 1890 — Wiklund K. B. *Lule-lappisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1890.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агапкина и др. 2004 — Агапкина Т. А., Валенцова М. М., Топорков А. Л. Нагота. *Славянские древности: этнолингвистический словарь*: в 5 т. Толстой Н. И. (ред.). Т. 3. М.: Международные отношения, 2004, 355–360. [Agapkina T. A., Valentsova M. M., Toporkov A. L. Nudity. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'*: In 5 vols. Tolstoi N. I. (ed.). Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, 355–360.]
- Агапкина, Топорков 2001 — Агапкина Т. А., Топорков А. Л. Ритуальное обнажение в народной культуре славян. *Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах*. Богданов К. А., Панченко А. А. (сост.). СПб.: Алетейя, 2001, 11–25. [Agapkina T. A., Toporkov A. L. Ritual undressing in Slavic folk culture. *Mifologiya i povsednevnost'. Gendernyi podkhod v antropologicheskikh distsiplinakh*. Bogdanov K. A., Panchenko A. A. (comp.). St. Petersburg: Aleteiya, 2001, 11–25.]
- Алексеева 2021 — Алексеева А. С. Изобличение вора на Руси: от постановления Новгородского архиепископа Иоанна III до низовой рукописной книжности. *Словъне*, 2021, 1: 230–261. [Aleksееva A. S. The ritual of “exposing the thief” in Old Rus: From the enactment by the Archbishop of Novgorod Ioann III to apocryphal manuscript culture. *Slověne*, 2021, 1: 230–261.]
- Аникин РЭС — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. [Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Vol. 1–. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2007–.]
- Березович 2019 — Березович Е. Л. К реконструкции германского мира в языковом сознании архангельских поморов. *Антропологический форум*, 2019, 42: 174–212. [Berezovich E. L. Towards the reconstruction of Germanic world in the linguistic worldview of Arkhangelsk Pomors. *Antropologicheskii forum*, 2019, 42: 174–212.]
- Березович и др. 2021 — Березович Е. Л., Макарова А. А., Муллонен И. И. Демонологические названия в русской и субстратной топонимии. *Русский Север: лексика и ономастика*. Березович Е. Л., Кабинина Н. В., Кучко В. С., Осипова К. В. (ред.). М.: Индрик, 2021, 69–91. [Berezovich E. L., Makarova A. A., Mullonen I. I. Demonological names in Russian and substrate toponymy. *Russkii Sever: leksika i onomastika*. Berezovich E. L., Kabinina N. V., Kuchko V. S., Osipova K. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2021, 69–91.]
- Бернштам 1978 — Бернштам Т. А. *Поморы: формирование группы и система хозяйства*. СПб.: Наука, 1978. [Bernshtam T. A. *Pomory: formirovanie gruppy i sistema khozyaistva* [Pomors: Genesis of the group and household system]. St. Petersburg: Nauka, 1978.]
- Боярский 2001 — Боярский П. В. Русский крест в сакральном пространстве Арктики. *Ставрографический сборник*. Кн. I. Святославский А. В., Трошин А. А., Гнутова С. В. (ред.). М.: Древлехранилище, 2001, 130–165. [Boyarskii P. V. Russian cross in the sacral space of Arctic. *Stavrograficheskii sbornik*. Book I. Svyatoslavskii A. V., Troshin A. A., Gnutova S. V. (eds.). Moscow: Drevlekhranilishche, 2001, 130–165.]
- Визе 1912 — Визе В. Ю. Лопарские сейды. *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*, 1912, 9: 395–401; 10: 453–459. [Vize V. Yu. Lappish sieidis. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*, 1912, 9: 395–401; 10: 453–459.]
- Власова 2021 — Власова М. Н. *Русский Север: брошенная земля. Фольклор несуществующих деревень (особенности и контексты бытования)*. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. [Vlasova M. N. *Russkii Sever: broshennaya zemlja. Fol'klor nesushchestvuyushchikh dereven' (osobennosti i konteksty bytovaniya)* [Russian North: The abandoned land. Folklore of unextant villages (specifics and contexts of functioning)]. St. Petersburg: “Pushkinskii Dom” Publ., 2021.]
- Конкка 2003 — Конкка А. П. Освоение жизненного пространства: панозерские карсикко. *Панозеро: сердце Беломорской Карелии*. Конкка А. П., Орфинский В. П. (ред.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2003, 214–230. [Konkka A. P. Arranging the living space: The karsikkos of Panozero. *Panozero: serdtse Belomorskoï Karelii*. Grishina I., Kapusta L., Konkka A. et al. (eds.). Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2003, 214–230.]
- Конкка 2013 — Конкка А. П. *Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. [Konkka A. P. *Karsikko: derev'ya-znaki v obryadakh i verovaniyakh pribaltiitsko-finskikh narodov* [Karsikkos: Tree-marking in rituals and beliefs of Finnic people]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Press, 2013.]
- Кучко 2017 — Кучко В. С. *Семантико-мотивационное поле «ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УрФУ, 2017. [Kuchko V. S.

- Semantiko-motivatsionnoe pole 'lozh', obman» v yazykovom prostranstve russkikh nardonykh govorov* [Semantic-motivational field 'lie, deceit' in the linguistic space of Russian dialects]. Candidate diss., Yeltsin Ural Federal Univ., 2017.]
- Логинов 2006 — Логинов К. К. *Этнолокальная группа русских Водлозерья*. М.: Наука, 2006. [Loginov K. K. *Etnolokal'naya gruppy russkikh Vodlozer'ya* [The ethnolocal group of Vodlozero Russians]. Moscow: Nauka, 2006.]
- Меркурьев 1998 — Меркурьев И. С. *Служебные слова и междометия в русских народных говорах (На материале поморского говора Мурманской области): Учебное пособие для студентов вузов*. СПб.: [6. и.], 1998. [Merkur'ev I. S. *Sluzhebnye slova i mezhdometiya v russkikh narodnykh govorkh (Na materiale pomorskogo govora Murmanskoi oblasti)* [Function words and interjections in Russian dialects: The Pomor dialect of Murmansk Oblast]: Manual for students. St. Petersburg, 1998.]
- Мызников РДЭС — Мызников С. А. *Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов*. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. [Myznikov S. A. *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian dialectal etymological dictionary. Lexicon of contact areas]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019.]
- Урбанович 2007 — Урбанович Г. И. *Генетическая характеристика лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» в русском языке*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2007. [Urbanovich G. I. *Geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya «sud'ba, schast'e, udacha» v russkom yazyke* [Genetic characterization of the lexical-semantic field 'destiny, happiness, luck' in Russian]. Candidate diss., Moscow State Univ., 2007.]
- Филин, Фризин 2001 — Филин П. А., Фризин Н. Н. Крест в промысловой культуре поморов русского севера. *Ставрографический сборник*. Кн. I. Святославский А. В., Трошин А. А. (сост. и общ. ред.); Гнутова С. В. (науч. ред.). М.: Древлехранилище, 2001, 166–198. [Filin P. A., Frizin N. N. Cross in the hunting culture of Pomors of Russian North. *Stavrograficheskii sbornik*. Book 1. Svyatoslavskii A. V., Troshin A. A., Gnutova S. V. (eds.). Moscow: Drevlekhranilishche, 2001, 166–198.]
- Хелимский 2002 — Хелимский Е. А. Трансевразийские аспекты русской этимологии. *Русский язык в научном освещении*, 2002, 2: 75–90. [Helimski E. A. Trans-Eurasian aspects of Russian etymology. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2002, 2: 75–90.]
- Aikio 2006 — Aikio A. On Germanic–Saami contacts and Saami prehistory. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*, 2006, 91: 9–55.
- Genetz 2008 — Genetz A. Kuolan niemimaan asukkaiden oloja tutkimassa vuonna 1876. *Kuolan niemimaalla käyneiden suomalaisten tiedemiesten matkakertomuksia*. Koonnut ja kääntänyt Leif Rantala. Rovaniemi: Lapin tutkimusseura, 2008, 19–68.
- Itkonen 1948 — Itkonen T. I. *Suomen lappalaiset vuoteen 1945*. Osat I–II. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström osakeyhtiö, 1948.
- Kalima 1952 — Kalima J. *Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952.
- Kjellström 1987 — Kjellström R. On the continuity of Old Saami Religion. *Saami religion. Based on papers read at the Symposium on Saami Religion held at Åbo, Finland, on the 16th — 18th of August 1984*. Ahlbäck T. (ed.). Åbo: The Donner Institute for Research in Religious and Cultural History, 1987, 24–33.
- Nirvi 1981 — Nirvi R. *Petojen nimitykset kosinta- ja hääsänastossa*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1981.
- OED — *Oxford English dictionary*. <https://www.oed.com>.
- Parpola 2004 — Parpola A. Old Norse *seid(r)*, Finnish *seita* and Saami shamanism. *Etymologie, Entlehnungen und Entwicklungen / Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70. Geburtstag*. Hyvärinen I., Kallio P., Korhonen J. (Hrsg.). Helsinki: Société Néophilologique, 2004, 235–273.
- Pentikäinen 1995 — Pentikäinen J. *Saamelaiset: pohjoisen kansan mytologia*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995.
- Sarmela 1994 — Sarmela M. *Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurin kartasto 2 / Atlas of Finnish ethnic culture 2. Folklore*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1994.
- Vilkuna 1952 — Vilkuna A. Hurri-pesye. *Virittäjä*, 1952, 56(1): 22–30.